

❓ Свою работу в кинематографе вы с Павлом Печёнкиным начинали одновременно, в одном творческом объединении, но он тогда был режиссёром, а вы — экономистом. Как вам удалось мигрировать из экономики в режиссуру?

— Я окончил инженерно-экономический факультет, работал сначала на оборонном предприятии, а в 1990 году пришёл работать в творческое объединение «Надежда» Свердловской киностудии. Мне очень повезло: тогда это объединение было, наверное, одним из самых крутых в мире — на всех фестивалях блистали, каждый второй фильм имел какой-то приз. Была очень интересная молодёжная команда. В «Надежде» я был заместителем директора по экономике, а после того как в 1993–1994 годах наступил крах всего кинематографа в стране, пошёл работать на аналогичную позицию в Свердловскую киностудию.

❓ То есть бросились на амбразуру?

— На амбразуру, да. Долги, банкротства... Это были страшно интересные четыре года! Такой бандитский период, когда приходилось ходить на настоящие стрелки, с оружием... В 1998-м мы закрыли все долги. Всё это время я продолжал заниматься производством фильмов как продюсер, курировал документальное кино, фактически руководил производством документального кино до начала 2000-х годов, пока сам не начал снимать. Тогда я ушёл с киностудии и организовал свою компанию.

❓ А что всё-таки толкнуло заняться режиссурой? Что послужило поводом?

— Я сам снимать не хотел. Сначала сделал несколько документальных фильмов как продюсер, создал творческое объединение одночастёвых (10-минутных) фильмов. Мы их сделали несколько, но мне показалось этого мало, и мы вдвоём с Сергеем Нохриным сняли восьмиминутный фильм «Классика Z», который состоял из пяти книг: «Король Лир», «Гадкий утёнок», «Книга джунглей», «Кармен» и «Зеркало души Бодхидхармы». Каждая история — за полторы минуты, причём все роли играли животные: король Лир был черепахой, которая попадает в стадо ко-

ров, Кармен была розой, и фильм был про отношения розы и гусеницы, а гадкий утёнок был птицей марабу.

Звери оказались очень послушными, и я даже приз получил в 1999 году — имени Згуриди — за работу с животными.

Но вообще, я стал снимать случайно. Ко мне пришли люди с некоей историей, я запустил фильм, заключил контракт с Госкино, мы даже сняли интервью, чтобы сценарий написать, и тут режиссёр отказался делать фильм.

— В ЧЁМ РАЗНИЦА МЕЖДУ ПЕРМЬЮ И СВЕРДЛОВСКОМ? — НУ, РАЗНИЦА КАРМИЧЕСКАЯ!

Не найдя никого на замену из тех, кто был свободен в тот момент, приступил к работе сам. Я снял фильм «Давид», который неожиданно победил на нескольких международных фестивалях: в Стокгольме, в Варшаве, в Нойбранденбурге... Но даже после этого я не думал, что буду режиссёром. А чтобы работать продюсером, я окончил Высшие курсы сценаристов во ВГИКе, двухгодичные. Так что киношное образование у меня сценарное.

Как-то я нашёл очень хороший сценарий в интернете. Его, правда, уже купили и даже запустили производство, и даже были построены декорации, но из-за кризиса 1998 года всё остановилось, и фильм «подвис». Я выкупил права у режиссёра, у сценариста, у Госкино и стал предлагать своему другу Игорю Волошину, с которым мы тогда работали, но он сказал, что это совершенно не его история, и отказался. А я обрадовался, потому что я-то уже знал, как это можно снять! Это был фильм «Первые на Луне».

❓ Фильм, который принёс вам награду Венецианского фестиваля и сделал режиссёром не только в профессиональном отношении, но и в общественном сознании...

— Да! После этого уже глупо было бросать это дело. Было очень много идей, и я до сих пор работаю на той волне.

❓ Здесь, в Перми, вы совмещаете работу в жюри «Флаэртианы» с собственными съёмками. Так сказать, полезное с полезным. Что за фильм снимаете?

— Это моя старая идея... У меня есть такой список идей, там, наверное, пунктов 70, и эта — одна из очень старых историй, наверное, ей лет 15. Это история вашего кладбища под зоопарком. Вообще, я снимаю три одночастёвых фильма: в Москве, во Вроцлаве и в Перми. Будет это один фильм из трёх частей или три отдельные короткометражки — пока не знаю. Во Вроцлаве тоже история, связанная с кладбищем — местным еврейским. А в Москве есть такой интересный объект — знак «Нулевой километр» на Красной площади, около часовни Иверской Божией Матерью.

Тоже очень старая идея, причём автор идеи — Паша Печёнкин. Он мне её подарил, я долго не знал, как к ней подступиться, но тут как-то был в жюри Московского фестиваля и жил в гостинице «Националь» с видом как раз на это место. Смотрел-смотрел в окошко, а потом взял оператора и пошёл снимать.

❓ Как по-вашему, в чём разница между Пермью и Свердловском?

— Ну, разница кармическая! Свердловск находится в горах, а Пермь — на равнине...

❓ А нам кажется, что это Пермь в горах, а Свердловск — на равнине...

— Это вам только кажется! На карту посмотрите. Все разломы проходят под Екатеринбургом, он находится на стыке огромных платформ!

❓ То есть это геология влияет?

— Я не знаю, что влияет, но Екатеринбург очень отличается не только от Перми, но и от всех других городов. У нас всё время что-то происходит. Он очень молодой город, амбициозный. Крепкий провинциальный город — не со столичными амбициями, а такой, который вообще не думает о столице, не оглядывается на неё. Таких городов, которые самодостаточно и живут своей жизнью, очень немного, и все они — за Уралом. У нас всё время что-то происходит: театр, кино, музыка, рок, танцы... Каждый год «выстреливает» что-то очень интересное.